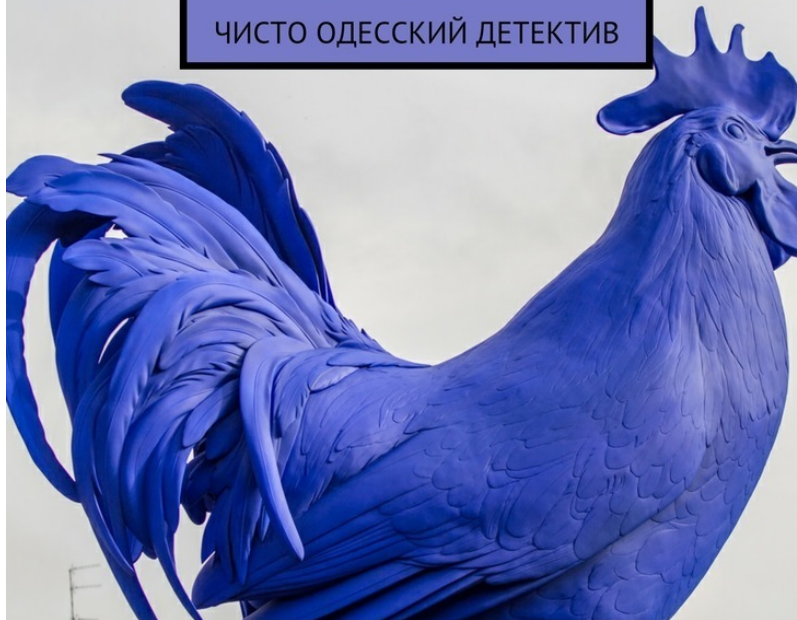

ЮРИЙ ВЛАСИШЕН

ПетуШОК-2017, или Chicken Odessa

ЧИСТО ОДЕССКИЙ ДЕТЕКТИВ

Юрий Петрович Власишен ПетуШОК-2017, или Chicken Odessa. Чисто одесский детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22572197

ISBN 9785448360831

Аннотация

Одесса. Наши дни. Наши люди. Одни держат «фиш-барбут» (тотализатор рыбных боев), другие играют и нередко уходят голыми. У бойцовых рыбок свои причуды. К примеру, сиамский «петушок» Спартак – вещий. И он предрекает убийство соорганизатора барбута. Аквариумистика не заканчивается и с гибелью самого Спартака. Год Петуха по-одесски...

Содержание

Одесский детектив	5
Раздел I. Птица Счастья	11
1	11
2	18
3	24
4	29
5	33
6	35
Раздел II. Староконка	38
1	38
2	43
3	48
3	52
4	58
5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

**ПетуШОК-2017,
или Chicken Odessa**

**Чисто одесский детектив
Юрий Петрович Власишен**

© Юрий Петрович Власишен, 2016

© Tony Webster, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-6083-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одесский детектив в жанре аквариумистики*

**Вместо предисловия:*

Chicken Kiev. Под таким именем в англоязычном мире известны наши знаменитые котлеты по-киевски. Нежные, сочные, в золотисто-румяной хрустящей панировке, с сюрпризом внутри...

В детективе «Chicken Odessa» сюрпризов и всяких вкусностей тоже с головой: одесские мансы, офшорные финансы, цыганские романсы плюс лебединая верность и «петушиные» бои. Тотализатор бойцовых рыбок в Одессе, вокруг которого вертится история – это только верхушка айсберга. История эта с продолжением...

Ведь «ПетуШок-2017, или Chicken Odessa» это не только о рыбках-«петушках» и о годе Петуха, который уже клюнул (на «живца»).

Аквариумистика – это не только об аквариумных рыбках.

Это о нас. Это мы живем в аквариуме. Причем с «неправильными» стеклами.

Небезызвестный человек-голова Стивен Хокинг:

«Представьте себя рыбкой, живущей в аквариуме с вы-

пуклыми стенками. Что вы знали бы о нашем мире, если бы всю жизнь смотрели на него в искажении от стекла и не имели возможности выбраться? Невозможно познать истинную природу реальности: мы считаем, что чётко представляем себе окружающий мир, но, говоря метафорически, мы обречены всю жизнь провести в аквариуме, так как возможности нашего тела не дают нам выбраться из него».

Впечатлённые этой метафорой власти итальянского города Монза, известного своим автодромом для «Формулы-1», несколько лет назад законодательно запретили держать рыбок в круглых аквариумах, чтобы искажение света не мешало им воспринимать мир таким, какой он есть.

А какой он есть, этот мир? Много ли мы, обычные смертные, знаем о нашем мире? Если даже сам Исаак Ньютон сравнивал себя с маленьким мальчиком, который нашел красивую ракушку на берегу Великого Непознанного!

Маленький Изя Ньютон прикладывает ракушку к уху, и что он слышит?

Ши-шо в этом лучшем из миров все возможно. Всё-всё. И шо мы ничегошеньки не знаем ни о мирах, ни о себе любимых. Ничего на 100%.

Потом другой умный человек назовет это гипотетическим реализмом. Гипореализм – один из подходов в теории познания, полагающий, что все суждения человека о реаль-

ном мире имеют гипотетический характер.

«ПетуШок» – первый детективный гипореалистический роман из серии о находчивом одессите Мореславе Десницком, которому выходить из передряг и распутывать всякие запутанные преступления помогают его домашние животные-экстрасенсы: сначала бойцовый «петушок», затем мирный голубь...

Совпадения с реальными животными (людьми в том числе) и гипотетическими богами в тексте, как, впрочем, и несовпадения – на совести автора. Если таковой не найдется – пеняйте на гипотетического переводчика.

**Вместо содержания:*

Вначале были Тиамат + Абсу = шумерско-вавилонская пара первобогов, она соленая, он пресный. Они безвидными духами носились над и под темною водой, а затем, схлестнувшись волнами в любовном поединке, породили богов и все остальное.

Как-то так.

Затем один из порожденных – рыбохвостый Эа ака Энки – убивает Абсу и занимает его место, сам становится божеством пресных (особенно подземных) вод и мудрости, ибо умен был не по годам. По другой версии, Абсу умирает сам, без посторонней помощи. Надорвался первобог: целый мир

с нуля создать – не шутка! Ну, ничего: умер-шумер, лишь бы был здоров. Главное, что перед смертью он (по другой версии, «русалка» Эа-Энки) успевает создать из глины перволюдей. Ну, чтобы избавить богов от грязной работы по прокапыванию русел рек и строительству гор при сотворении мира. Не боги ж горшки обжигают.

А затем был Всемирный потоп. Ну, тут добавить нечего и считать трупы нечего. Пропустим пару тыщенок лет.

Потом был Спартак, в наше время куда более известный, чем Тиамат, Абсу и Эа, вместе взятые. По легенде, Спартак погиб с мечом в руке, сначала убив своего коня, чтоб не было искуса сбежать с поля боя.

Потом – Олег Вещий, о котором нет ни одного внятного слова ни в одном источнике, кроме древнерусских. Хотя вроде бы ходил на Царьград-Константинополь и вешал свой щит на городские ворота. И с верным конем у него тоже некрасиво получилось.

Потом, много позже, был Исаак Бабель, создавший одесский миф.

И, наконец, был я, Мореслав Десницкий aka Elfir.

А у меня был Спартак Вещий, сиамский «петушок» aka

beta splendens. Лучшая во всей Одессе бойцовая рыбка. Единственная в мире аквариумная рыбка-медиум.

«Петушки», гурами и остальные представители подотряда лабиринтовых – особые рыбы, но мой Спартак – «особее» всех остальных. Круче, чем золотая рыбка. Лучше, чем курица, несущая золотые яйца. Спартак знал наперед исход любого поединка между «петушками». Он все знал, он *практически* не ошибался, а я этим пользовался. Недолго, правда...

Спартак знал, что Сёма-ГоловаСтик, мой партнер по организации «петушиных» турниров, станет жертвой. Предвидел, когда и как его убьют. Был Сёма – и нет. ГоловаСтик пережил своего любимого вуалехвостого «красного бонся» буквально на несколько дней. Сёмино «петушка» уложил мой Спартак. В честном бою. Бой! Одна секунда, один только очень резкий и мощный удар, и бонсай, кувыряясь, пошёл ко дну.

А я...

Комок до сих пор подкатывает к горлу, когда я вспоминаю, как...

...я сам убил его. Нечаянно. По дурости, по невнимательности замочил своего Вещего Спартака прямо в аквариуме.

Но добрые боги сделали мне новогодний подарок, дали второй шанс и второго «Спартака». Спасибо...

*«Твоё сознание, сияющее, пустое,
неотделимо от Великого Источника Света; оно*

*не рождается и не умирает, оно – Немеркнущий Свет,
Будда Амитаба».*

«Бардо Тодол» («Тибетская книга мертвых»)

Раздел I. Птица Счастья

*...Низовый дует и звенит у мола,
Волна – мартын ныряет и кричит,
Кренит шаланда и скрипит шпринтола,
И кливер, понатужившись, трещит.
Эдуард Багрицкий «Скумбрия»*

1

Промозглый ветер, промозглая сырость и две-три недоделанных снежинки на душу-мозг населения – вот, что такое зима в Одессе. Изредка случаются чудеса в виде настоящего снега. Совсем изредка – да и то под Новый год – случаются настоящие чудеса.

Последний уикенд уходящего на покой високосного года. Неправославное Рождество. Повезло же Ему: чей еще день рождения отмечают два раза в год?

Ну, ладно, со временем, вроде, все понятно. Теперь разобраться бы с местом.

Подняв воротник пальто, я провожу ориентировку на местности. Я узнаю и не узнаю. Не потому что все здесь занесено снегом, первым за долгие годы одесским снегом, и ветер слепит и хлещет по глазам концами моего же разве-

вающегося бардового¹ шарфа.

Странный голубой снег идет за мной следом. И передо мной. И по бокам. Здесь идет, а там – не идет. И не шел: на той стороне улицы – ни снежиночки. Такое ощущение, будто невидимые стены не дают снегу покинуть зачарованный квадрат Староконного рынка и ближайших окрестностей.

То же место, да не то. Ворота остались на месте, и старая груша слева от ворот как стояла, так и стоит, качаясь, но на месте «подгрушного» пункта приема металлолома теперь пункт обмена валют. Правда, вокруг него все так же кучкуются подозрительные личности. Люди все так же гибнут за металл.

Просто удивительно, что эти безликие личности еще не оприходовали железобетонные стены по обе стороны от решетчатых рыночных ворот. Хлопья голубоватого снега, словно горе-альпинисты, срываются с решеток и несутся вниз по улице Кутузакия, бывшей Ленинградской.

Когда я был тут в прошлый раз, с таким же безмолвным криком отчаяния летели, трясясь прожилками, вниз, к морю, овальные листья старой груши, желтые и красные обрывки воспоминаний, и Ленинградская была небывшей, а жила еще своей *настоящей* жизнью, как минимум, на уличных таб-

¹ Бардо в буддизме – дословно «между двумя», интервал, состояние между: например, между жизнью и смертью или между двумя Рождествами, католическим/протестантским и православным.

личках. И одессит Александр Кутузакий, доброволец полка «Азов» с позывным Кутуз, был еще жив.

Нет-нет, все-таки многое изменилось с тех пор.

Нет виниловых пластинок, нет слоников на удачу, нет птицы-носорога, выгравированной на крисе, страшно красивом индонезийском кинжале – то есть, где-то на рынке они, возможно, и продаются, а на этом проходном месте, где я их видел, когда в последний раз забрел на Староконку, нет.

Или их занесло этим подозрительно голубым снегом?

Вот здесь, по правую руку от ворот, он стоял, то есть сидел на карачках, этот украиндонец, благодаря которому я и обзавелся крисом. Дьявольской красоты ритуальным кинжалом, волнистое обоюдоострое лезвие и рукоять которого украшает птица-носорог, божественная птица племени ибанов².

Обзавелся! С таким же успехом можно сказать, что это крис обзавелся мной. Поэтому я снова пришел на Староконный рынок, чтобы избавиться от него и от его власти надо мной. Даже мой лучший кореш Глеб Шорх по прозвищу Мамай, маньяк по части холодного оружия, который непременно вошел бы со своим собранием в Книгу рекордов Гиннеса, если бы не побаивался другой книги – УК, то бишь Уголовного Кодекса; короче, даже Мамай побоялся принять в дар

² Ибаны (sic!) или морские даяки – племя, населяющее остров Борнео (Калимантан). До недавнего времени еще практиковали «охоту за головами».

от меня этот дьявольски-божественный кинжал! Ну, ладно, не в дар – ножи, кинжалы и прочее колюще-режущее дарить нельзя, такая уж примета – но и за символическую пятерку он тоже не захотел держать в доме этого «спящего в ножнах». Тем более без ножен. Тем более что мне самому он достался назло примете, без денег, так уж получилось.

– Крис это очень серьезная штука, Морик, – покачал головой Мамай, привычно попыхивая трубкой. – Ни про один вид холодного оружия нет специальной науки, а про крысы есть. Крисология называется. Все серьезно, дружище, и даже это определение – «спящий в ножнах». Крис – национальный символ Индонезии. Непосвященному, да ещё индонезийцу, лучше с такими символами не связываться. Слушай, Морик, а, может ты таки индо...?

– Сам ты индюк надутый! – перебил я и почему-то подумал про свою бывшую.

Но что же мне делать? Это же не кинжал, это бумеранг какой-то!

Я его выбрасывал – он возвращался, топил его в море – он всплывал (пусть и не без помощи «добрых» людей), оставлял в последней электричке на Аккерман ака Белгород-Днестровский, один черт – он снова возвращался ко мне первым же утренним поездом. В 7:40 он приедет, в 7:40 он приедет наш старый, наш добрый агицын паровоз!

Что старый – то да, а вот насчет «добрый»... Проверяя

на остроту казацкую саблю-«домаху» – украшение его коллекции – Шорх-Мамай молча пускает дым в потолок. Я так же молча уставился в свой планшет. Всезнающий Гугл утверждает, что верховный ибанский бог Буронг, персонафицированный в носорогой птице – могущественный бог войны. Ибаны, эти субтильные охотники за головами верят, что не кто иной, как их воинственный Буронг и создал этот мир. Мир, в котором я никак не могу избавиться от кровавого криса! Нет, с меня этой магии довольно! Новый, 2017-й год должен стать для меня годом свободы.

И вот, намучившись по самое не-хочу до последних чисел декабря, я спеленал кинжал, как ребенка, в пять слоев рушником и засунул в сумку. Закинул сумку на плечо, взял руки в ноги и, обвязавшись шарфом с цитатами из «Бардо Тодол», «Тибетской книги мертвых», направился на Староконку.

Этот белый шарф – *ее* свадебный подарок. На этом рушнике с сидящими на ветках павлинами (а, может, таки индюками? Поровну, и те, и другие на деревьях не шибко сидят) нас венчал отец Аристарх в Свято-Троицком храме у телевышки в сквере Космонавтов. Я первый тогда наступил рушниковой птице на хвост – мне и быть главой семьи. И был. Пока была семья.

А эту вот наплечную джинсовую сумку *она* мне пошила из моих любимых джинсов «Rifle» и подарила на 35-летие. «35 – ягодицами вилять» – так издевается с этой сумки и ме-

ня моя нынешняя, Катя.

А *она* – это Лира, бывшая.

Этот почти горностаевый с виду, белый с черными «бу-кашками», шарф она вязала полтора года, пока мы встречались. Буквально после каждого нашего свидания Лира добавляла по букве-другой, старательно «срисовывая» все эти мудреные тибетские загогулины из оригинального текста на сайте www.unexploredcity.com. Они такие мелкие, эти тибетские буковки, что никакой далай-лама, даже самый прозорливый, не прочитает. Издали может показаться, что это орнамент такой. Одним словом, китайская грамота. Китайская, потому что Тибет-то тоже оккупирован.

Не то, чтобы сама Лирка в ней разбиралась, в этой мудреной грамоте, просто она вбила себе в голову, что мы были в прошлой жизни парой лебедей. Такая вот лебединая верность *unexplored*.

Лирка-Лирка... Заставила меня всю свадьбу проходить в этом теплющем, как лебяжий пух, шарфе. И это в августе-месяце! Чисто Остап Бендер в шарфике, мне только его фирменной фуражки не хватало.

Зато эта ее-моя перешитая из джинсов сумка однажды уже спасла мне жизнь. Здесь же, на Староконном. Если бы не она, этот жуткий кинжал в виде птицы-носорога был бы уже у меня в ребрах – вот на этом самом месте. Я имею в виду: территориально.

В каком-то смысле, можно сказать, что это крис и привел меня сюда снова. Недаром «магия» и «магнит» созвучны: магия магию притягивает.

Налетай-не скупись, покупай живопись!

И вот на этом самом «крисовском» месте, справа от открытых ворот на Староконку, я вместо того чтобы искать глазами того хитрого азиата или хотя бы ножны, застываю перед «Айвазовским» на продажу.

«Девятый вал». Пожалуй, самая знаменитая и загадочная картина старика Айвазяна. Стоит себе впритык к железобетонной стене и в ус не дует, хотя еще немного и прибиваемый ветром к холсту голубой снег перевалит через этот вал.

Но даже под снегом, наверное, каждый бы узнал этот «вал», где группа горе-мореходов, потеряв свой корабль, пытается выжить среди обезумевших волн. Напрасно пытается: «Певец Черного моря», как справедливо называли Айвазовского, обрек потерпевших кораблекрушение на неудачу, на смерть. Маринист – не гуманист. Не каждый портретист – человеколюбец, но почти каждый маринист плевать хотел на людей с самой высокой волны своего любимого водоема.

Тем более такой, как Айвазян-Айвазовский, оставивший после себя тысячи марин, и каждая – как признание в любви к Морю: близкому, далекому, ласковому, спокойному, бескрайнему, беспокойному, бесовскому, бурному, бушующему, ревущему, еще не проснувшемуся, но уже зовущему

предрассветному, вечернему, убаюкивающему, ночному, где только луна свидетель..., а люди – что люди? Нет, у «оригинального» Айвазовского стихия не дает морякам ни единого шанса. Потому-то и название такое – «Девятый вал». Не «Шестеро отважных» или, там, «Надежда не умирает». Или хотя бы просто, без надежд и намеков – «Кораблекрушение». Нет – чертов «9-й вал».

Здесь же – на этой прислоненной к стене уменьшенной копии (надо сказать, весьма качественной копии) знаменитой картины – неизвестный художник, как будто ничего не изменив, кроме размера, умудрился изобразить... спасение, победу людей над стихией!

Наклонившись и придерживая рукой крис в сумке, чтоб, не дай бог, не выпал, я легким движением свободной руки смахнул снег с холста.

И в тот же миг, как был на полусогнутых, отскочил на добрых два метра назад – мне послышалось: что-то там в картине булькнуло! Не что-то, а кто-то так явственно булькнул-гулькнул! Короче, выразил свое недовольство. Эй, морячки, ша! Ша, Айвазовский-Айвазян или, как там тебя, на самом деле!

Выпрямившись, я постоял с полминутки, держа дистанцию и ухо востро и хвост трубой, а потом таки взял себя в руки и подумал: нет, мне таки послышалось, снег хрустнул или, может, это резкий порыв ветра стукнул по моей барабанной перепонке.

Как зачарованный, я смотрел на это полотно, сравнивая с «отпечатком» оригинала в памяти – тот же девятый вал, один в один, те же светящиеся краски, те же полупрозрачные волны, которые аж хлещут через раму, та же шестерка в восточных одеждах на сломанной мачте-шпринтоле – но это сильнее шторма!

Тут не стоит вопрос: «Шестеро против Девятого – чья возьмет?». «Ихняя» возьмет. Эти моряки, в отличие от «айвазовских», таки доберутся до земли. Шторм успокоится, и их подберет проплывающая невдалеке шхуна, или, может быть, их спасут дельфины или русалка, как в клипе Sade «No Ordinary Love», не знаю, как именно, но они спасутся. Сто пудов, спасутся.

Это бросалось в глаза с первого взгляда на холст. Как это объяснить? Не знаю. Колдовство! Магия Рождества, что ли.

Рассмотрев в подробностях «колдовскую» марину, я волей-неволей обратил внимание на рамку. Добротную, нужно сказать, рамку. Дерево, а не дерьмопластик. Когда-то, в «прошлой жизни», я здесь же, на барахолке, купил за бесценок мазню на морскую тему в подобной деревянной раме и вручил моей бывшей, и она была очень счастлива. И я был счастлив. Наконец-то буду держать себя в рамках. «Вот закончу твой портрет, – грезила наяву Лирка, – оформим его в багет, в рамочку, и будешь ты у нас Мореслав Эльфир в рамке».

Та мазня – я вспомнил – называлась «Похищение Европы». Так же, как облюбованный молодоженами и фотографами бычий памятник на 9-й станции Большого Фонтана.

На той мазне – копии известной работы Серова – плывущий вдаль рыжий бык (а по-настоящему хитрый и похотливый Зевс) – уносил на своей мега-спине хрупкую девушку Европу на Кипр, а глупые дельфины выделяли пируэты вокруг этой странной парочки. Что будет (было) дальше, кто спасется, а кто добьется своего – гадать не нужно: картина – всего лишь иллюстрация старой, как мир, истории.

У бронзового быка на 9-й станции Фонтана бронзовые же и весьма внушительные бейцалы натерты до зеркального блеска: знак того, что одесские невесты не забыли древний ритуал – перед свадебной фотосессией надо обязательно потереть быку. Левое – на девочку, правое – на мальчика. Забобонная Лирка терла оба³: наш свадебный фотоальбом не даст соврать.

«Странно, – вслух подумала Лира, когда кухонным ножом отделяла купленный мною холст от рамки-багета, – когда же эта Европа успела наставить ему рога?».

Да, рога на той «Староконновской» подделке под Серова были знатные! Весь свой скромный талант, все свое мастерство художник-недосамоучка вместил в эти рога божествен-

³ Бейцалы – (с иврита) яйца, забобон (с украинского) – суеверие.

ного КРС, крупного рогатого скота, а Лирка – раз! и эти лироподобные рога, и эту непропорциональную бычью спину, и кривоватеньких дельфинов, не говоря уже про несчастную Европу с еврейскими почему-то бедрами – в топку. Рукописи, может, и не горят, а холсты – еще как, синим пламенем!

По иронии судьбы примерно в это же время Янукович резко поменял курс Украины с евроинтеграции на Таможенный союз, и понеслось...

И несется...

Я буду смеяться, если это один и тот же одесский художник-самоучка, этот Нико Пиросмани Староконки, изобразил и «Похищение Европы», и «Девятый вал»! За это время он так поднаторел, что достиг уровня Айвазовского.

Я таки буду смеяться, но вряд ли по этому поводу. Скорее это неизвестный искусствоведам авторский экземпляр, возможно, эскиз, набросок. Прежде чем написать «9-й вал», Айвазовский набросал 8 эскизов разных размеров. Искал гармонию, а, может, заказчиков – иди знай. Иди и изучай живопись. Моя бывшая, надо отдать ей должное, таки научила меня хоть немного разбираться в живописи.

В ноябре 2013-го, перед самым Майданом, мы с ней были в Крыму, отдыхали в Евпатории у моего дядьки-караима; а после заехали в Феодосию, там, в музее Айвазовского как раз выставляли «Девятый вал» – «Русский музей» расщедрился и «подогнал» оригинал из Санкт-Петербурга на родину художника. На время. Автору – авторово.

Экскурсоводша из местных была на 7-м небе от счастья.

– Видите, видите, – частила она, аккуратно тыкая указкой в правый нижний край картины, – на репродукциях *ее* не разглядеть. Последняя шутка великого живописца. Рисуня «Девятый вал», 75-летний Айвазовский решил пошутить и изобразил в волнах корову. Видите? Видите рога?

Я невольно провел ладонью по волосам...

3

– И шо? Так и будем слюни пускать, или?

На «блошином» рынке прилавки не предусмотрены. Весь товар лицом на порепанном асфальте. В общем, голову без особой надобности не поднимаешь. Тем более против ветра, и так задувающего тебе во все дыры.

Но вот и она – особая надобность в виде продавца «Девятого вала». Его *ультрастаромодные* клеши заслонили мне нарисованный шторм, его сиплый голос интересуется: «И шо?.. или?».

И шо – я подымаю голову.

Я ежусь – брр-р! – и инстинктивно еще сильнее кутаюсь в пальто: легкий морозец вдруг как бы потяжелел.

И смораживаю: «С наступающим!».

Мы какое-то время смотрим друг на друга.

Я как я, а на продавца в клешах стоило посмотреть. Он, конечно, не так экзотичен, как тот укразиат с крисом, пластинками и слониками, которого мне не судилось увидеть, но тоже картина маслом, говоря словами Гоцмана из «Ликвидации».

Чудик старой одесской породы, он мог бы без грима сыграть в знаменитом сериале. Без грима и без одежды. Не знаю, кем он был в предыдущей жизни, но в этой он точно морж. Правда, тощий, как спичка. И масти соответствующей, спи-

чечной: загорелое, будто выдубленное лицо, паленая шапка жестких выгоревших волос, а все остальное (язык не поворачивается назвать *это* телом, такое оно худющее) – бледно-желтое, как песок в Санжейке после ноябрьских штормов. Загар настоящего одессита: он весь в делах, на море не ходит, кует железо, не отходя от кассы.

На *этом* болтается пиджак, да-да, прям на голые (!) плечи, на левом лацкане блестит значок ГТО третьей степени с парой разнополых бегунов, окруженных многообещающей мантрой «Готов к труду и обороне СССР», а под значком, точнее сказать, из-под полы пиджака торчит зеленый чешуйчатый хвост тату-русалки.

Русалка тоже не первой свежести, выцветшая (ее, видимо, набили моржу в прошлом еще веке) и ...волосатая: сквозь чешую прорастают и курчавятся вторичные половые признаки, не русалки, конечно, признаки, а чудика – рыжеватоседые волоски нагрудной растительности. Застрявшие в них голубые снежинки довершают «прикид» моржа.

– И почему ваш Айвазовский? – спрашиваю я у этого колоритного типа «из раньшего времени».

– Ты про голубя или картину?

Я забыл: на Староконке обращение «Вы» не в почете. Тут все запанибрата. Все, кто продают братьев наших меньших, и все, кто их покупает или хотя бы спрашивает *за них* – все братья, не родные, так двоюродные, не двоюродные, так знакомые через 3—4—5 рукопожатий.

Стоп! «Голубь?» Какой еще голубь? Мало мне тонушей коровы, так там еще и голубь?

И только я об этом подумал, стиснув под мышкой крис под охраной пары рушниковых павлинов, как из-за картины, точнее, из зазора между нею и стеной, выходит жирный таковой сизарь!

Так вот, кто сделал «буль-гуль», когда я счищал с холста снег!

Явление Христа народу!

Явление посмотрело на меня, как на старого знакомого, потом на моржа и принялось вышагивать, высоко задирая ноги, туда-сюда по снегу, сюда-туда перед «Айвазовским», что твой караул перед Кремлем. Порой голубь остановится, что-то поворчит по-своему «гиль-гуль⁴», поглядит искося на хозяина, переведет взгляд на картину, потом глянет на улицу, обведет взглядом прохожих и на меня, застывшего столбом, опять посмотрит так внимательно, будто читает тантрические заклятия на моем шарфу; затем снова скосит глаз на «Девятый вал», постоит-постоит, подумает (типа решает задачу «Найди 9 отличий») и опять продолжит мерить шаги.

Весь снежный «холст» тротуара испещрен его следами в виде пасифика, символа мира.

– А шо, голубя зовут Айвазовский? – спросил я, когда

⁴ Гиль-гуль, гильгуль (гильгуль нэшамот) – каббалистический термин, обозначающий переселение душ.

ко мне вернулся дар речи. Я ведь тоже его узнал! Не сразу, но узнал в нем моего Спартака. Моего покойного «петушка». *Betta splendens!*

Это не могло быть совпадением! Подняв глаза еще выше, на стену, я увидел знак.

Более красноречивым знаком могло бы быть разве что упавшее с груши-старушки потрепанное издание все еще популярного «Кольца царя Соломона», где автор Конрад Захариас Лоренц, к слову припоминает индонезийских голово-резов:

«Маленькая коричневато-серая рыбка, лежащая со сложенными плавниками в углу аквариума, внешне не представляет собой ничего замечательного. И только если другая рыбка, первоначально такая же невзрачная, приблизится к ней, и они заметят друг друга, только тогда они начинают словно светиться изнутри и постепенно накаляться великолепием. Румянец пропитывает их тела почти так же быстро, как проволока электрической плитки становится красной при пропускании электрического тока. Плавники расправляются, как декоративные веера, настолько внезапно, что почти ожидаешь услышать звук, какой издаёт раскрываемый зонтик. А затем следует танец обжигающей страсти, не игра, но танец жизни и смерти, начало и конец всего.

Цель такой дуэли – запугать противника и одновременно привести себя в состояние бесстрашия. У рыб длительность этих

приготовлений, их ритуальный характер и, главным образом, замечательный показ красочного наряда и развернутых плавников, имеющие целью запугать, сломить противника, маскируют для непосвященного всю серьёзность ситуации. Бойцы во всём великолепии своих нарядов кажутся настроенными менее враждебно, чем это есть в действительности: вы также не склонны приписывать им жестокую отвагу и презрение к смерти, как не связывается в нашем представлении охота за головами почти женственной красоты индонезийских воинов».

4

Лоренца нам не надо. И Захариаса тем более. Мы сами с глазами.

Имеющий глаза – и так увидит. Знак. На самом верху внешней стены Староконного рынка, на две головы выше чудика-продавца кто-то намалевал спреем размашистое черно-синее граффити «ЧЕ НОМО ЕЦ или СМЕ ТЬ!».

Я пригляделся: на трех пропущенных Р налип снег. Почему этот одесский снег любит Р?

Не любит. Потому что одесский.

В любом случае, в отличие от русалки на груди «расклепленного» торговца, это настенное творение было свежим. Мне даже почудилось, что я чую запах...

Где-то там, в детстве А и Б сидели на трубе, а тут Ч и Е и Р и остальные слегка занесенные снегом, но все же читабельные, буквы призыва-угрозы «сидели» на штанге. На штанге футбольных ворот. Такая натуралистичная, круглая, слегка накренившаяся штанга и такие нахохленные острые буквы, от которых веяло отчаянием. Особенно от последнего слова, которое буквально придавило собой правый край штанги.

Не внушал оптимизма и нарисованный *мартын*, сидящий на союзе «или». Ему бы пересесть поближе к «ЧЕРНОМОРЦУ» – тогда б, возможно, и штанга выровнялась, и «СМЕРТЬ» бы так не выделялась. Вместо этого мартын,

словно слетевший с логотипа ФК «Черноморец», плакал: некупая такая слеза, размером с твой кулак скатывается по его щеке и вот-вот упадет на голову моржа.

Но он-то в чем виноват?

Почему фанаты «Черноморца» написали свое граффити именно на этом сегменте рыночной стены, перед которым тощий одессит старой закалки выставил на продажу Айвазовского, а до того укразиат – свой крис?

В любом случае, интересная задумка: стена это ворота. Ворота это стена. Портал это ворота. А я – почти вратарь: повернув голову налево, я инстинктивно поднял руки, пытаюсь поймать летящий в «девяточку» мяч. Ах, он уже в «девятке»? Нарисованный мяч не поймаешь и не отобьешь. Почему тогда никто не кричит: «Го-о-ол!»? 3:0 в пользу... Да какая там польза! Такая же, как от бегущей в едином порыве (и на одном месте) парочки физкультурников на значке моржа. Римская цифра III под ГТОшными девушкой и юношей сбивает с толку. Все равно, сколько бы их ни было, уже никто никуда не бежит.

Я представил, как выглядели бы подобные значки на моих «петушках»: кто-кто, а сиамские бойцовые рыбки всегда готовы к обороне своей территории и труду по строительству воздушного гнезда для икринок. Спартаку – значок I степени, Тайсону – II (он, в отличие от универсала Спартака, еще не овладел всем арсеналом боевых приемов), а самовлюбленный альбинос Викинг как самый «зеленый» с гордостью но-

сил бы значок ГТО с цифрой III. Он, может быть, и носил бы. Не значок, так значочек или малюсенькую наклейку. И зубастый Тайсон выглядел бы еще внушительнее с подобным знаком отличия. А Спартак... А Спартаку в раю и так хорошо. По крайней мере, я очень на это надеюсь. Что слопавший его мартын – точь-в-точь такой же, как на настенной росписи, только без слез, – унес его в Вырий, птичье-рыбий рай.

Короче, жалостливое граффити. И бесполезное: московский банк, которому «Черноморец» задолжал 30 миллионов, слезам не верит. Ну, не сами футболисты, конечно, задолжали, в долговую кабалу их ввел «дядька Черномор», хозяин прославленного одесского клуба. («Дядька Индиок» – такое поганяло подошло бы ему лучше, ведь свои грязные деньги этот бизнесмен отмывал в Индийском океане, точнее в оффшорах на островах имени министра финансов Франции. Как называются эти райские острова, где финансы поют от счастья, а олигархи моют сапоги в Индийском океане? Слово из 7 букв⁵).

Мореслав. Это имя придумал мой папа. Мой батя еще тот ультрас. Он может часами говорить за свой любимый «Черноморец». Он болел за него еще голоштаным пацаном, когда клуб еще назывался «Пищевик».

Не корову проиграть – эта фразочка «Пищевиковских»

⁵ Сейшелы. Эта бывшая французская колония получила свое имя в честь министра финансов Франции Сешелля.

времен. Времена давно другие, но отец не изменился: он до сих пор – подумать только! – не пропускает ни один домашний матч на стадионе в парке Шевченко и ходит на апрельские марши памяти Максима Чайки, вожака одесских ультрас, погибшего в уличной стычке с пророссийскими антифа-скинхедами.

За «Черноморец»! За Одессу-маму!

Мне даже кажется порой, что я помню, как слышал эти бесконечные разговоры на футбольные и околофутбольные темы, еще будучи у мамы в животике. Да, сначала отец хотел назвать меня в честь любимого клуба Морицем (спасибо еще, что не Черным...), но мама сказала, что это как-то совсем вычурно и экзотично, лучше что-то славянское придумать. А папина мама, бабушка Лера, раскинула на меня карты и, оказалось, что все крутится вокруг «Колесницы», 7-го аркана. Колесница неслась к славе. Вот папа и придумал Мореслава. А я, когда мне на глаза попадает слово «Черноморец», думаю о папе.

Нет-нет, лично для меня это граффити на стене Староконки совсем не бесполезное.

– Как, его тоже зовут Айвазовский? – повторно спрашиваю я, указывая на *моего* голубя.

Сизарь утвердительно качает на ходу головой, но его владелец имеет собственное мнение. Почухав указательным пальцем русалочий хвост на своей впалой груди, он грозит этим же крючковатым пальцем голубю и сипит, обращаясь то к нему, то ко мне:

– Ша! Шо разве он похож на Айвазовского? Ни разу не похож. По «чесноку», на самом деле его зовут Айвазян. Ован-нес Айвазян. Я прав, Ованчик?

На этот раз «гиль-гуль» из «уст» сизаря звучит не так убедительно.

– Понятно, – киваю я, поверив все-таки больше голубю: клюв у того был совсем не армянский. Я бы даже сказал: антиармянский. Такой маленький клювик бывает только у кенигсбергского Farbenkopf'a (цветноголового, если по-русски). Канюк, мой знакомый из птичьего ряда, жаловался как-то мне на сложности разведения этой редкой декоративной породы: из-за этого своего недоклюва цветноголовые мамы-голубихи просто физически не могут, как следует, накормить своих «кенигсбергских» голубят «птичьим

молоком», поэтому ему приходилось в качестве кормилиц для них использовать «традиционных» горлиц с нормальными клювами.

И все же этот «Ованчик», который с важным видом ходил сам по себе перед копией шедевра знаменитого мариниста, строго поглядывая на нас с моржом (а, ну-ка, уступили дорогу!) однозначно не был ни «кенигсбергцем», ни даже «каленинградцем»: голова ни разу не цветная, да и на ногах нет характерных, похожих на воланчики для бадминтона, «юбочек» из перьев. И, вообще, он такой же декоративный, как я Фарбенкопф.

Не знаю, возможно, я был Фарбенко или Фарбенков или даже какой-нибудь фон Фарбенкопф в прошлой жизни, но в этой меня зовут Мореслав Десницкий, а Эльфир... Эльфиром звала меня только она, Лирка, моя бывшая. Почему – это сейчас не важно. Важно, что я нашел своего Спартака, своего сиамского «петушка»!

Его душа перекечевала в «Ованчика»! Значит, этот почти бесклювый голубь со Староконки тоже обладает даром предвидения. И пусть, как сказал морж, Бог шельму метит, дав пернатому отпрыску обрубок вместо клюва за то, что его отец-обычный голубь, каких миллионы, сожрал рисовое зернышко стоимостью в миллион, мне все равно. Что? Не бывает таких зерен на «лимон» баксов?

Бывает. И скоро вы об этом узнаете. Воистину, пути Гильгуля неисповедимы.

6

Как реку назовешь, так по ней и поплывешь. Как меня зовут, вы уже в курсе: Десницкий, Мореслав Десницкий. Родившись в Одессе с таким именем и фамилией, я просто не мог не заинтересоваться рыбками. В первую очередь, пресноводными, привезенными за 7 морей аквариумными рыбками: ведь никто иной, как капитан Десницкий, мой прапра... дед, стоял у истоков аквариумистики в Российской империи.

В общем, нет моей вины в том, что, волею судьбы оказавшись в фиш-барбуте, в самом первом в Одессе рыбьем тотализаторе на Приморском бульваре, я был наповал сражен завораживающей красотой «петушков» и их боевых танцев, буквально влюбился в этих *beta* таки *splendens* и... пошло-поехало.

Латинское название не обманывает: «*Splendens*» это значит «яркий, красивый». Они красивы не только в бою, но и в уходе. Когда я подсаживал к своему Спартаку «курочку», он преображался – тельце его становилось ярко-бордовым, а жаберные крышки и плавники мерцали розовым неоновым светом, как на рекламной вывеске.

Да будет свет! Да здравствует любовь!

Ну, или хотя бы взаимопонимание... Эти женщины! Несмотря на все это великолепие, одна капризная самочка

не проявила никакого желания ответить Спартаку взаимностью. Поняв, что любви не получилось, «петушок» отплыл в сторонку, сложил плавники, разинул рот (я бы даже сказал – пасть) так широко, как только смог и... молниеносным броском нанёс сильнейший удар «курочке» в бок. В момент удара Спартак сомкнул челюсти и вырвал из самки порядочный кусок мяса. Отплыв в сторонку, он, как ни в чём не бывало, сплюнул то, что ещё недавно принадлежало его избраннице, и вновь принял вид, соответствующий брачному ритуалу.

Жестоко? Не более чем у нас, Homo sapiens.

Это что касается «Splendens». Чисто одесское слово «Фиш-барбут» перевести чуть сложнее.

Ну, «фиш» это «рыба», это все знают, а «барбут» это «катран». Ну, не тот катран, который безобидная черноморская акулка, а катран, в смысле, – игорный дом. На всей 1/6 такие подпольные дома (квартиры, подвалы, гаражи, боксы и т.д.) называют катранами, и только в Одессе-маме – барбутами...

Связано ли это словцо с шустрой рыбкой «барбус» – не знаю, но то, что рыбий барбут куда зрелищнее и азартнее обычного картежного притона – так об этом и речи быть не может.

Бывало и такое. В качестве эксперимента на барбуте стравили импортного сингапурского «петушка» и голодного суматранского барбуса. Так, шутки ради: это было 1 апреля.

И я там был, и мой Спартак. Краем глаза увидев против-

ников из своего отсадника, он слегка приподнял спинной плавник и полностью расправил анальный. И с плавниками наголо, словно казак-характерник с саблями в обеих руках, метнулся в правый бок, что значило, что победит правый – суматранец.

Так и случилось. В общем, и пошло-поехало...

Так я стал рыббукмекером, единственным в своем роде. А затем – аквас-оракулом, ихтиомантом, прорицателем, ворожбитом, предсказателем, если угодно, рыбьим авгуром. Короче, гадателем по аквариумным рыбкам (точнее, по рыбке, если еще точнее – то по Спартаку), тоже, кстати, единственным в роду. А затем, когда обзавелся голубем Ованнесом, – просто авгуром.

О славном роде Десницких, его связях с королевским домом Сиам и с сиамскими «петушками», я расскажу позже. Начать же нужно со Староконки. Опять. Ибо, как правильно говорят, Староконный бороды не портит.

Раздел II. Староконка

– И почем ваш конь?

– Мадам, это же петух!

– Я смотрю на цену.

Одесский анекдот с «бородой»

1

Ветер разносит по рынку собачий лай и «непереводимую игру» русских и турецких слов. Знакомый голос: это руфер-птицелов по кличке Канюк, специализирующийся на пернатых хищниках, живущих на одесских крышах, пытается загнать своего краснокнижного (а шо такое!) сапсана. Раньше он маялся с голубями и прогорел. Хищники выгоднее, хотя и опаснее.

Вот Канюк с разбитым, подряпанным лбом, вот клетка с соколенком (сапсан таки сокол).

А вот и покупатель – крупный бородатый турок, похожий на султана Сулеймана из сериала про Роксолану – прилетел в Одессу неделю назад и изо дня в день прочесывает Староконный в поисках птиц для соколиной охоты. Ему обещали, сказали, что птенцы («yes-yes, 2 good birds!») пойманы и ждут его-не дождутся. Цена была более чем подходящей.

Он прилетел, а птички ...не дождались, улетели! Никогда не верь одесситам.

У турка хищный взгляд, у него «концы» в одесском аэропорту, и в одесском зоопарке «концы». У «султана» везде эти бесконечные «концы», а сокола порядочного нет. И вот нашел.

Но дорого, блин, şok rahalı (слишком дорого)!

Канюк не сдается:

– Пахали! Еще как пахали! Мы с братаном все крыши на Молдаванке излазили! Чуть не убились, пока поймали этого. Вот (шлепает себя ладонью по лбу, набивая цену свежими ссадинами)!

– Веş (пять)! – пощипывая окладистую бороду, турок стоит на своем. От злости он позабыл почти все русские слова, не говоря уже за украинские.

– Что «беш»? Это ты «беша» гонишь. Что ты мне свои пальцы веером тычешь?! А-а, пять? Ты за 5 хочешь? Пять тысяч, ха-ха! Лоха нашел! Да за 5 штук ты у меня можешь разве что... яйцо получить, да! Цена сапсёнка – 10 тысяч, и не центом меньше. Ты посмотри, какие у него глаза! Как у Жириновского – это ж ястреб войны, хоть прямо сейчас на охоту. Укажи только цель. И дрессировать не надо. Бери Жрика за десятку – не пожалеешь.

– Yedi! – бородач поднимает руки вверх, растопыбив ладонь левой. На двух выставленных пальцах на его правой болтается коричневая барсетка.

– Едим?

– Да-да, uedi! – довольный турок опускает руки, думая, что сторговался за 7 тысяч.

– К тебе что ли едим? А я думал, у тебя бабки с собой, – Канюк косится на плотную такую барсетку.

– «Бабки»? – турок крутится на месте. Где бабки? Какие бабки? При чем тут бабки? Вместо бабушек уже все баи птичьего ряда во все глаза пялятся на его барсетку...

Баи как баи (мужчины с турецкого), барсетку в руке буквально прожигает яростный блеск черных глаз в желтой оболочке, сверкающих из-за проволочной решетки.

Ах, таки умная птица, думает турок, увидела в барсетке толстую сокольничью перчатку с кисточкой! Надо брать «Жирика», хотя и *şok rahalı*...

Наше вам с кисточкой!

Не дослушав этот бесконечный торг, неугомонный ветер соколом летит дальше – туда, где за стенами птичье-рыбно-звериной Староконки раскинулся блошинный рынок, где еще бойкие одесские бабки и дедки продают молодость – вот, к примеру, старинные чугунные утюги.

– Сколько? 500 гривен за эту рухлядь?!

– Почему рухлядь? Никакая это не рухлядь. Смотри сюда: это же фирма! Вот, читай эмблему: «Słowianin-Końskie»! Фирма веников не вяжет.

– Странная какая-то фирма. «Славянский» шкаф знаю. А при чем тут это «Конские»?

– Мы на Староконном или где? Не бери дурного в голову – бери утюг. Такой «Словянин» еще и твоим внукам послужит. Точно тебе говорю. Только уголь нужен нормальный. Наш, донбасский. А не это ГМО с Южной Африки.

– Уголь?!

– Ну да, уголь: утюг же еще довоенный. Тогда с электричеством в домах был напряг.

– Довоенный? До какой войны? Если до этой, так это новье. Его только, как гирю, использовать можно.

– Какая гиря, какое новье?!

– Не новье – значит, рухлядь.

– Ну и рухай себе дальше. Умник нашелся.

И умник-ветер рухает себе дальше, на ходу шелестя пожелтевшими страницами букинистического «Кольца...» К. З. Лоренца:

«...Битва бойцовых рыбок нередко оканчивается смертью одного из противников. Если они уже готовы нанести первый удар, то через несколько минут широкие продольные щели будут зиять в их плавниках, которые очень скоро превратятся в лохмотья. Способ нападения бойцовой рыбки, как вообще всех рыб, сражающихся подобным образом, – это, в буквальном смысле, удар шпагой, но никак не кусание. Рыба открывает рот так широко, что все её зубы торчат

наружу, и со всей силой, развиваемой её мускулистым телом, с разбегу втыкает их в бок противника.

Таранящий удар бойцовой рыбки настолько силён, что если в беспорядке боя одному из противников случится наткнуться на стеклянную стенку аквариума, звук столкновения бывает явственно слышим. Танец самовосхваления может продолжаться часами, но если танцоры перешли к действиям, часто уже через несколько минут один из противников лежит на дне, смертельно раненый...».

2

Того, кто сказал, что в Греции есть все, можно пожалеть: ну, не случилось бедняге быть на Староконном рынке в уикенд. Ибо здесь есть все и даже немножко больше. Особенно в субботу. По выходным здесь такие драмы разворачиваются, что Зевсу с его древнегреческими заморочками даже и не снились: вот какого ему, Верховному богу, надо было все время превращаться то в быков, то в лебедей, чтобы соблазнять смертных красоток? Да любая нормальная баба почитет за счастье переспать с громовержцем Зевсом.

Не, Староконка это не просто зоорынок плюс барахолка в придачу в самом сердце Одессы-мамы. Это особое место, где праздный зевака легко может стать покупателем, покупатель – продавцом, а продавец – превратиться в товар. На любой вкус и кошелек. И все это с чисто одесскими приколами.

Тебе скучно? Ты ищешь развлечений на свой тухес?

Вот и иди на самый зад Староконки. Там, в так называемой «радиозоне», купи у барыги краденный корейский мобильник с сохранившимися фотоальбомами и перепиской последнего владельца. Смотришь-читаешь и вдруг... видишь на одной из фоток, весьма компрометирующих, свое лицо! Если бы только лицо: тут ты в полной красе, от педи – до маникюра, как сказал Гоцман в вырезанной цензурой серии «Секс-шантаж».

Я?! Не может быть!

Ты. Может. Ты не успеваешь прийти в себя от шока, как телефон вырывают из рук и делают ноги. Ты пытаешься догнать эти ноги, но в этом вавилонском столпотворении это вряд ли возможно.

Грустный, ты бредешь дальше по рынку, серфингуя между потными спинами-грудями, и в «зоне оккупации», где торгуют всякими немецко-румынскими раритетами времен II мировой, натыкаешься на трофейный румынский бинокль с цейссовскими линзами.

«Можно взглянуть?».

«Люба моя, и даже купить можно».

Не глядя на языкатую торговку, ты прикладываешь бинокль к глазам: ты надеешься увидеть через него те руки-ноги, что украли твой краденый смартфон.

А из него слышно (да-да, слышно, но не видно) Большефонтанский маяк. Ду-ду-у-у!

Как же его увидишь, когда он давным-давно снесен большевиками. Первый в империи электрический маяк тью-тью...

Ду-ду-у-у-у..!

Не-е, не жди ничего хорошего, когда вот так – протяжно, заунывно – воет «тифон» на маяке.

Впрочем, редко, но бывает, что на район Староконки ложится конкретный туман, и тогда маяк тут слышно и без бинокля. Только это дудит «тифон» не Большефонтанского, а Воронцовского маяка, что на морвокзале.

У каждого в жизни свой путь, у кого по суше, у кого по воде, у кого-то в плоскости, у кого-то в 3D-пространстве.

Ты двигаешься дальше и выше, куда глаза глядят, с поправкой на ветер и куда-несет-людское-течение, и, замыкая круг на Раскидайловской, у центральных ворот на Староконку попадаешь глазами и телом прямо в ... «гнездо кукушки».

Антикварные часы с кукушкой-зомби, кенигсбергские фарбенкопфы, немецкие овчарки-поводыри для слепых скинхедов, они же гиды для приезжих «черных», подопытные гвинейские свинки и водяные каролинские кролики, многоопытные джунгарские хомячки, летающие лисички и непотопляемые котята, желто-блакитные попугаи, матерящиеся на идиш, хладнокровные ножи-бабочки в придачу с сумасшедшими солнечными зайчиками и даже дикий голубь, склевавший рисовое зернышко, на котором известный художник-миниатюрист Казарян три месяца рисовал под микроскопом «Девятый вал» Айвазовского – покажи мне, кого ты продаешь, и я скажу, кто ты.

Ну, а мне был нужен всего лишь «петушок». Сиамская бойцовая рыбка. Причем, я искал именно «сиамца», дикаря природной окраски и природного, так сказать, разведения. Такого, как мой Спартак, *betta splendens* F1.

К «Формуле-1» этот префикс никаким боком. Значком

F1 аквариумисты отмечают либо диких особей, привезенных из мест естественного обитания, либо первое поколение от этих самых природных рыб.

Ах, Спартак, Спартак... Я целую вечность не был на Староконке, и вот пришел опять, чтобы найти замену моему почившему в бозе «гладиатору».

Позавчера вечером, на закате, я выпустил его на пляже «Чайка», что на 10-й станции Большого Фонтана, в море. Дошел до конца пирса, помолчал минуту, вспоминая самые яркие моменты нашего совместного житья-бытья, и, размахнувшись, метнул его крохотное бездыханное тельце, как можно дальше. Лети, мой Спартак! Прощай, мой Спартак! И прости...

«Петушок» – пресноводная рыба, его родина – заливные рисовые поля и ирригационные каналы, именно в таком рисовом канале обнаружили рыбку сиамцы. Начав их скрещивать, чтобы добиться большей красоты и агрессии, они через время добились, чего хотели, и лучший экземпляр подарили своему любимому королю. А король этот, Рама V, затем передал «петушка» приплывшему с визитом дружбы капитану Десницкому – в рамках, так сказать, укрепления российско-сиамских отношений (вокруг Сиама в это время шустрили британские и французские колонизаторы, и Рама очень нуждался в этих отношениях). Он и раньше дарил рыбок

русским мореходам, не только ярких «петушков», но и гурами, а также «райских рыбок», но в пути рыбы неизменно погибали.

Потому что их перевозили в деревянных бочках с *крытым* верхом. Однако мы, Десницкие, не «первый раз за мужем». К тому же, от природы любознательный капитан Десницкий был увлеченным натуралистом, действительным членом Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений и во время стоянки в Сиаме пожелал увидеть «петушков» в природе. Он заметил, что в естественных условиях рыбки периодически поднимаются к поверхности воды за пузырьком воздуха. Тогда, отплывая на родину, он приказал наполнить корабельные бочки водой только на две трети и не запечатывать их.

На родину приплыл он, насколько мне известно, 120 лет назад. В 1897 году мой предок привез бойцовую рыбку, предка Спартака, в родную Одессу, а оттуда в Северную Пальмиру, где под Вантовым мостом течет речушка Спартак... Ладно, это я что-то далеко уже уплыл. Я лишь хотел сказать, что мертвому «петушку» что полное канализационных стоков Черное море, что питерский Спартак, что мертворожденная черная речка Стикс, уже все одно...

3

Мы живем и умираем в мире безотходных природных технологий. Что Бог ни пошлет, всё в торбу, всё стодится, как говорила моя любимая бабушка Лера, царство ей небесное. Для грязно-серого черноморского мартына, который в поисках пресноводной воды облетает весь Большой Фонтан, смерть Спартак – подарок судьбы.

Спартак-Спартак!

Пролетая над 10-й станцией, зоркий обжора-мартын, не брезгающий падалью, заметил твой идущий ко дну тру-пик.

Камнем упав в воду, он с добычей в клюве и с удивлени-ем на мордахе (не, таки странная добыча; с роду не видал та-ких петушино-хвостатых созданий в море; наверное, опять с балластными водами скинули к нам чужака-иммигранта) полетел дальше, на «Золотой Берег». Там, на последней, 16-й станции Фонтана, бьет еще старинный «фонтан» -артези-анка, последний источник с самой вкусной водой во всем Одесском заливе. По этой причине там всегда многочайно – в смысле, много, слишком много чаек, мартынов и даже за-летных бакланов. А еще и воры-воробьи с голубями.

Голуби – впрочем, тоже воры, и еще какие: та микро-ко-пия «Девятого вала» на рисовом зернышке, которую стырил и проглотил папа голубя Ованнеса, стоила по самым скром-

ным расчетам, ну, вы уже в курсе... да, 1000000 (миллион) долларов США! Ну, к Ованчику с его подпорченной родословной мы еще вернемся, а пока мартын со Спартаком в клюве возвращается с «Золотого Берега» на «Чайку». Потому что, как уже было сказано, там, на 16-й станции, не протолкнуться.

Увы, никто из птичьей толпы у источника так и не смог опознать добычу мартына, чудо-юдо-рыбу Спартака, а наш мартын был не настолько голоден и не настолько глуп, чтоб глотать неведомо что, да еще не запив это «неведомо что» добрячим глотком воды.

Протолкнуться можно на 10-й Фонтана, где между пирсами виднеется труба, по которой в море стекает подземная «река Стикс», но эта вода не фонтан, потому-то, назло названию пляжа, чаек тут едва ли больше, чем дельфинов на пляже «Дельфин». С гулькин хвост, одним словом.

А вот у Спартака был хвост так хвост! Конечно, сразу после боя он выглядел не ахти как, но проходило полторы-две недели, и его хвост сиял во всей красе! Когда он максимально расправлял его и свои плавники, растопыривал жаберные крышки, и по его тельцу пробегали волнами яркие, пылающие полосы – признаки бушующих в нем страстей, а заодно и его отличного физического состояния – красивее Спартака зверя не было!

Ах, Спартак, Спартак...

Эх, была-не была! Заморив тобой «червячка», мартын подлетит к трубе и, приземлившись лапами-ластами на грязный песок, запыет тебя трубной водой Стикса, и твоя многострадальная душа, Спартак, обретет крылья...

Ах, Спартак, Спартак... Ветеран «петушиных» турниров, самая яркая звезда рыбьих тотализаторов, непобедимый чемпион Юга Украины и, при этом, самый настоящий сиамец, уроженец Южного Таиланда, погиб позавчера в обед из-за... «Fairy». Я сотни раз мыл аквариумы этой зеленой «Феей», будь она неладна, и ничего. Надо лишь хорошенько ополоснуть аквас от химической пены. А тут...

В самый разгар водно-очистительных процедур я отвлекся на телефонный звонок (звонила она, Лира, моя бывшая, или просто *моя*?!), и я под впечатлением от Лиркиных слов позабыл закончить начатое – как следует смыть «Фейри» со стенок, набрал в недомытый аквариум свежей воды, вернул в него Спартака и...

Он знал, что так будет. Кто-кто, а Спартак видел будущее. Предчувствовал. Я же, задурманенный сладко-обманчивым голосом Лирки, не видел ничего. И вот стал невольным убийцей своего лучшего бойца и провидца.

Остались «петушки» Викинг и Тайсон, парочка райских макроподов, семейка плюющихся⁶ лялиусов и стайка «целу-

⁶ Лялиусы умеют охотиться на насекомых, летающих над водой. Как только

ющихся гурами», но все же Спартак был лучшим. И первым.

Именно благодаря Спартаку я стал тем, кем я есть – аквас-оракулом, ихтиомантом, «рыбьим авгуром». Короче, гадалем по рыбкам. Хотя с позиции сегодняшнего дня надо заметить, что гадать по птицам у меня получается лучше.

муха или, скажем, залетевшая в форточку оса окажется в пределах досягаемости, лялиус плюет в него струйкой воды, сбивая в свой аквариум.

3

Весь апрель никому не верь.

Я должен сознаться: прибрехал. В самом начале, когда вкратце описывал свою эпопею с ритуальным индонезийским кинжалом. Я, сдаётся мне, назвал Мамаю своим лучшим корешем. Это почти то же самое, как сказать про Солнце – лучшее светило в нашей Солнечной системе.

По правде говоря, Мамай, он же Глеб Шорх, – мой единственный кореш, он же друг. Что бы он ни сделал, что бы я ни натворил, мы с Мамаем друзьяки-не-разлей-вода. При этом мы абсолютно разные – и внешне, и внутри. Хотя никакие казаки в его родословной даже близко не скакали, он и в самом деле очень похож на легендарного казака Мамаю. Особенно на фоне своих коллекций: кроме холодного оружия, Шорх собирал еще и курительные трубки.

Вот только, хоть убей, он был абсолютно равнодушен к «петушиным» боям. Сколько я его ни приглашал, он так ни на одном турнире не был.

Нет, ты должен, просто обязан увидеть эту красоту! Они совершенно удивительные, эти сиамцы! Ты даже не представляешь, как преображается мой Спартак в бою, какое у него роскошное оперение! Если бы только в бою: «петушки» ведь на любого нападают, кто посягнет на их территорию, включая «курочек». Спартак-дурак двоих прибил, са-

мых симпатичных... Бедные самочки готовы были стерпеть любые побои ради того, чтобы, в конце концов, отнереститься с этим тираном и обеспечить своё потомство самым лучшим защитником. Ведь чем злее самец, тем лучше он будет потом охранять гнездо с икрой. А какие они строят воздушные замки на воде для своих икринок, если б ты только видел!

Нет, ты просто не жил, если все это не видел своими глазами! Короче, Мамай, кончай курить свои «люльки» и собирайся – поедем в барбут! Через три... три с половиной часа начнутся показательные баттлы.

А он мне: никуда твои баттлы не денутся. Пошли пройдемся! Вчера был шторм. Возможно, что-то интересное найдем на берегу. Как минимум твоих *курительных* богов.

Это шутка такая: курительными богами Глеб называл «куриных богов», боглазов.

Пошли, Морик, время собирать камни.

С Мамаем спорить себе дороже! Лучше согласиться, но сделать по-своему. И вот мы идем вместе с ним вдоль моря по нашему традиционному маршруту Яичный берег – Куриный пляж, и я читаю вслух со своего планшета «Кольцо Соломона». Ну что ж делать, если роскошное видео с последнего турнира он посмотреть не захотел.

Ты посмотри, послушай, Мамай, как этот умный чудак,

этолог с мировым именем Конрад Лоренц пишет о ритуальном танце «петушков»:

«Это может показаться странным, но заранее никогда нельзя сказать определенно, приведёт ли этот танец к любовному согласию и спариванию, или столь же плавно перейдет в кровавую битву. Бойцовая рыбка при встрече с себе подобной может определить её пол только после того, как увидит, каким поведением ответит та на строго ритуальные, инстинктивные движения исполняемого ею танца. Встреча двух первоначально незнакомых самцов бойцовых рыбок начинается с взаимного дерзкого и чванливого самодемонстрирования, при котором каждое светящееся цветное пятно, каждый луч чудесных плавников должен произвести максимальное впечатление».

А Мамай мне на ходу, пуская дым из своей любимой трубки из «морской пенки»: Морик-Морик, читал я твоего Лоренца – «Человек находит друга». Таки умный «чудак». Только прежде чем стать великим этологом, он был в Кенигсберге главным идеологом по «зачистке» евреев, цыган и прочего «нежелательного элемента». Да-да, профессор Лоренц. Откуда знаю? От «верблюда». Есть у меня френд в Калининграде, спец по янтарным трубкам и историк-аматор. Все знает. И про верблюдов, кстати, которые вошли в Калининград вместе с Красной Армией.

Ладно был бы герр Лоренц просто членом нацистской

партии... Мало ли кто у нас коммунистом был. Так нет, он был идейным: неарийцев – в душегубку. За это его пару лет назад австрийцы лишили почетной докторской степени Зальцбургского университета. Я не удивлюсь, если его и Нобелевки лишат. Тоже посмертно.

Чего уж там, мертвому все по цимбалам. Впрочем, твой, Морик, шарфик с «Бардо Тодол», наверняка, думает иначе.

Выпустив сизое кольцо в чистое небо, Мамай делает жест, будто накручивает шарф вокруг шеи. Все это на ходу, глядя под ноги. Но я-то смотрю не под ноги, а на Шорха. Этот жест меня пугает. Дымовая петля над головой кореша выглядит зловеще. И она не отстаёт, тянется за ним и над ним, как воздушный змей.

– Так что извини, – продолжает Мамай и делает несколько шагов в сторону, к морю, – но я в некотором смысле тоже «нежелательный элемент». В смысле, не желаю смотреть на твои петушинные побоища. Вот лучше, смотри, какого куриного бога я тебе нашел – двойного.

И, наклонившись, он поднимает с влажного песка и даёт мне в руку камушек-ракушняк с двумя сквозными отверстиями. Сквозные ли? Внутри них шипела пена, настоящая морская пена, а не тот бледно-желтый минерал-тезка, из которого сделана трубка Мамаё. Он похож на маску, этот почти круглый камень. Или на смайлик без рта.

То ли ещё будет: чем дальше от Одессы, тем больше бо-глазов с большими отверстиями и/или с большим количе-

ством дырок. На Курином пляже в часе ходьбы от дома Мамая и в двух часах езды на авто от Одессы каждый второй камень – куриный бог. Причина проста: в этой узкой каменистой бухточке, где сходятся течения, практически никогда не бывает штиля, камни постоянно перекатываются туда-сюда и бьются друг о друга с мелодичным тук-тук-тук...

Если стучать достаточно долго и сильно, двери рано или поздно откроются. Или слетят с петель, открыв вход. А то и не один.

Время собирать камни, говоришь?

Сунув планшет в свою вечную наплечную сумку, я беру камешек обеими руками. Поднимаю навстречу Солнцу. Солнце – бог, и этот двухдырчатый кругляшок – бог.

Соединив их вместе, я переводил взгляд с одной дырки на другую, наблюдая, как радужные пузырьки пены (малюсенькие, как те, из которых делают свои «замки» «петушки» и, в то же время, бесконечные, как вселенные) сливаются, лопаются, испаряются... Я приложил каменный «смайлик» к глазам и сквозь дырки в нем посмотрел на Глеба и... увидел упертого барана с радужным нимбом и воздушным змеем из табачного дыма. И, при этом, друга. Если б он хоть немного заинтересовался «петушками», я бы поведал ему тайну Спартака...

Мы бы...

А он...

А он засел в своей дыре и, хоть тресни...

...На обратном пути, за метров 500 до его *дыры*, нас настигло *цыганське весілля* («цыганская свадьба»). То, что севернее, в лесах, называется грибным дождиком. И я уже не читал Мамаю никаких конокрадов-лоренцов со своего планшета, боясь намочить последний.

Тут впору сказать два слова о дыре этой, о Новой Фараоновке, на отшибе которой и поселился Мамай. И заодно о его «нежелательных» цыганских друзьях.

Село это обязано своим названием Старой (или просто) Фараоновке на юго-западе Одесщины, куда царская еще власть после очередной русско-турецкой войны переселила так называемых «цыган министирешт» из Дунайских княжеств. В своих валахиях, трансильваниях и бессарабиях эти цыгане были рабами при монастырях⁷, а в наших «свободных» краях были причислены к дунайским ...казакам. Часть этих казаков поневоле, не выдержав палочной дисциплины, тут же ударилась в бега, кто в Одессу, кто еще дальше. В свою очередь, часть тех, «кто еще дальше», основала на высоком и обрывистом черноморском берегу Новую Фараоновку. Табор собрался было в небо, но приземлился на «птичьем базаре» с живописнейшим видом на море. Новопоселенцев стали называть морскими цыганами. Они обзавелись лодками и баркасами, заправски рыбачили (в особенности удачно на камбалу и морского конька, а во время «бабьего лета» и сарган шел к ним в сети, как родной), подрабатывали лоцманами для проходящих судов. В общем, оморячились и за-

⁷ Исторический факт: рабство ромов (цыган) в Румынии фактически просуществовало аж до 1864 года.

якорились. Настолько, что вместо цыганского барона у новофараоновцев был цыганский капитан.

Про того, первого капитана, поговаривали, что у него имелось-де то самое «кольцо Соломона», благодаря которому библейский мудрец понимал язык животных. Каким образом оно попало в руки цыганскому капитану, и было ли оно у него, вообще, – неизвестно, но факт остается фактом: между предводителем морских цыган и морскими птицами, гнездовье которых находится в непосредственной близости от Новой Фараоновки, на так называемом Яичном берегу, существовала незримая связь.

Собственно, из-за этого гнездовья, которое мартины, чайки и бакланы охраняли агрессивнее хичкоковских «птиц», люди веками обходили эту *помет*ченную территорию стороной. И если бы агрессивность эта выражалась только в заклеывании на лету, так нет: птицы устраивали настоящие массированные налеты, используя запрещенные фекальные бомбы... Короче, о поселении тут мог думать только сумасшедший. Или тот, кто нашел общий язык с птицами.

В подтверждение второй версии цыганский капитан, с которым меня познакомил Мамай, носил повсюду на своем левом плече старого баклана. Звал он его Ронго, что в переводе с цыганского означает Колдун. Колдун Ронго был чернее самой украинской ночи, постоянно вертел длинной «антрацитовый» шей и «стрелял» по сторонам иссиня черными глазами.

Мне сразу они не понравились: и Ронго, и тот, кто под ним. Этот ряженный «капитан» в яхтенной фуражке-кэпи, как у Остапа Бендера, с «приклеенными» усами подковой, с голдяками на каждом пальце, с дутой серьгой в ухе и с вертлявой птицей на плече, как у пирата, всем своим клоунским видом будто насмеялся над памятью моего пра... прадеда капитана Десницкого, который тоже ловил рыбу, но рыбу экзотическую, и не для того, чтобы ее втридорога загнать, а для науки.

Подковоусый капитан кормил птицу свежевывловленными коньками, а после разговаривал с ней – и баклан бакланил в ответ. Не надо, не надо крутить пальцем у виска и делать скоропалительные выводы: коллегу капитана Десницкого англичанина Роберта Джона Гуппи тоже высмеяли, посчитав сумасшедшим, когда он с высокой трибуны заявил, что привез в туманный Альбион не икромечущую, а живородящую (!) рыбку.

Ладно, гуппи: у них хоть самка вынашивает потомство и, соответственно, рождает. А у морских коньков-то – самец! Но, правда, родитель с конька неважный: сразу после рождения мальки предоставлены сами себе. Самые заботливые рыбы папы на свете – это, конечно, «петушки».

Интересно, что на голодный желудок хитрый баклан Ронго молчал, как рыба. Но после кормежки... а порой и во время... набитым ртом он резал правду-матку.

Послушать эту матку в исполнении старика-баклана сходилась вся деревня, незанятая на промысле. Ронго сзывал всех, «звоня» в своеобразный колокол – долбил своим клювом, как казенным, по массивной серьге на левом ухе цыгана.

Конечно же, в отличие от истории с гуппи, это была не правда, а цыганский трюк, но трюк очень искусный: думаю, почти уверен, что этот ром в бендерской фуражке владел искусством чрево вещания. Настолько, что иногда казалось, что это не он, а пернатый колдун Ронго на его плече, говорил за обоих. Ну не мог же, в конце концов, нормальный мужик сбакланить такое: «Ха мырни мынщъ ай авеса зурало!⁸». Да еще при детях! Даже этому ряженому клоуну хватило бы ума и совести...

Бывало, Капитан накормит своего баклана, а затем подкурит трубку и давай вдыхать-выдыхать густой дым. Такой густой, что периодически исчезающий в нем Ронго то и дело кашлял, махая крыльями, и ругался на чем свет стоит. Да-да, грязно ругался цыганским матом: «Джя про джипт Дэвлес!» – пошли, мол, все к египетскому богу! И вы, цыганчата с рогатками – туда же! Если еще раз кто-то запустит камень в моих подопечных – Ронго вам организует десять казней Египетских, мало не покажется.

Это у русских япона-мать и японский бог, а у ромов – джипт-мама и джипт-, то есть египетский, бог: в прошлые века их считали выходцами из Египта.

⁸ Ешь мое лоно, и будешь вечно молод.

Вот на этой-то дымно-трубочной почве Мамай и сошелся с предводителем морских гурзу, став первым «неегиптянином» Новой Фараоновки.

Я не переносил Капитана и Ронго, Шорх и слушать не хотел про барбут.

Капитанская дочь – совсем другое дело. Она была не против...

Мамай называл ее Моя Лошадка, иногда добавляя Морская... Дочка Капитана – дерзкая, своенравная, яркая и громкая, словом, настоящая цыганка – кочевала между домом Мамаю на отшибе, у самого синего моря, и родительским домом в самом центре Новой Фараоновки. Звонкое намысто из монет на ее тонкой смуглой шее заранее предупреждало: я иду. Иду навстречу ветру, морскому бризу, бриз дует в лицо, играя гривой волос. Я иду танцующей походкой к тебе, Глебушка. Иду без обуви и без седла. Открывай ворота.

Слышу звон и знаю, где он.

Я не единожды наблюдал из окна его дома, как «Глебушка» Шорх, забыв про самоуважение и про меня, гостя, выбежал навстречу этой «босоножке» -пустозвонке... и терялся. Всякий раз Капитанская дочь, его Морская Лошадка, была другой...

Потом, когда она уходила, он мне жаловался, буквально плача от смешанных чувств в мою дружескую жилетку:

– Ты видел? Видел эту центральную монету на ее на-

мысле? «Железные» 2 гривны с морским коньком? Редкая штучка. И рыбка уникальная – конек длиннорылый. *HIRROCAMPUS GUTTULATUS MICROSTEPHANUS*, как написано на реверсе. Вот и она такая же.

– Длиннорылая?! Железная? на реверсе?..

– Всякая, Морик, всякая. Одним словом, хамелеон! Нет, по сравнению с ней хамелеоны курят бамбук в параллельной вселенной. Впрочем, зачем так далеко ходить? Наш черноморский конек, как у нее на монете, похлеще будет. Тебе не случилось видеть, как он изменяет... – Мамай осекся, глядя куда-то в даль, и продолжил только, когда заметил, что его трубка погасла, – изменяет цвет тела – от серовато-бурого, красноватого до жёлтого, буро-зелёного? А эти глаза! Ты видел? Я тебе покажу: глаза у конька могут смотреть в разные стороны – как у хамелеона! Как у неё!

Ё! – шумно вздыхал он, чиркал спичкой, подкуривая янтарную трубку, янтарь в устах его дымился, его тело курило, а душа его в это время была далеко – там, где звенит своими монетами юная цыганка.

Цыганка. Простите меня, ромы, но писать «ромка» как-то даже клавиатура не поворачивается.

Ну, конечно, я видел ее хамелеоньи бесстыжие глаза. Дочь ромского Капитана раздевала меня ними, прямо при «Глебушке», в его доме. У меня сердце спермой обливалось, когда она проделывала эту штуку-трюку с глазами. Вольная Морская Лошадка и сама стала раздеваться, когда я в оче-

редной раз пригласил их с Мамаем в барбут. На экскурсию.

– Зачем только на экскурсию? Я поставлю в барбуте все свое приданное, чтобы выиграть, вообще, все!

Стоя у окна, Капитанская дочь стала снимать свое монисто. В лучах заходящего солнца разноцветные и разнокалиберные монеты с двугривенной посередине поблескивали, словно диковинный водопад, играли тысячей оттенков, споря красотой и богатством с лавиной ее блестящих волос, от которых пахло морем и страстью.

Такой дурманящий запах способен свести с ума любо...

Стоп! – сказал я себе: Мамай – твой единственный друг, пусть он сам с ней страдает, со своей необъезженной Лошадкой.

Она в шутку грозила пойти со мной одна, если «Глебушка» не хочет вместе.

– Ты же скажешь, Морик, на какую рыбку нужно ставить? Цыганка – за, Мамай – против.

Нет, он не упрекал меня, не называл «фашистом», «жестоким бессердечной скотиной», «бизнесменом на крови» или еще как-то похлеще, не посылал в вежливой форме к египетскому богу, просто каждый раз, когда я звал его полюбоваться аквариумной «корридой», Мамай находил какие-то отговорки. Сейчас-то я его понимаю.

Грешным делом, я хотел, конечно, чтоб мы вместе раскрутили «петушковый» бизнес, потому что мой тогдашний партнер Сёма-ГоловаСтик постоянно выкидывал какие-то

фортеля.

Пока не выкинул последний.

5

Это случилось, дай Амидаба⁹

⁹ Поклонники Будды Амидабы (Амитабхи) считают, что современные люди уже не способны понимать сложности буддийской философии и заниматься изощренными йоговскими техниками. Единственный путь – возложить все свои надежды на спасительную силу сострадания «бесконечного света» (так переводится имя этого Будды). Догмат о его милости к воззавшим к нему является краеугольным камнем амидаизма и роднит это течение в буддизме с христианством. («Перевод» сакрального текста на моем бардовом шарфе сделал отец Аристарх из церкви Св. Троицы в сквере Космонавтов, куда я после смерти Головастика приперся в шарфе и на бровях замаливать грехи).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.